

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ КОМИТЕТОВЪ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА ПОЛОЖЕНІЙ ВЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКАХЪ.

II.

МЫСЛИ О ПОДДЕРЖАНІИ И УЛУЧШЕНІИ КОНСКОЙ ПОРОДЫ ВЪ КАЗАЧЬИХЪ
ВОЙСКАХЪ И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

При обсужденіи какого нибудь общаго вопроса, невольно впадаешь, относительно частностей, въ *поверхность*—въ присутій грѣхъ почти всѣхъ нашихъ спеціальныхъ статей. Такъ случилось и со мной. Разобравъ *казачество какъ оружіе*, я готовъ уже былъ приступить къ разбору *казачества какъ сословія*, но замѣтилъ неполноту нѣкоторыхъ моихъ мыслей, —неполноту, которая, рязумѣется, не можетъ выдержать строгой критики. И потому, слѣдуя правилу: «лучше поздно, чѣмъ никогда», я прибавлю здѣсь нѣсколько замѣчаній объ улучшеніи и поддержаніи конской породы въ казачьихъ войскахъ вообще и въ Оренбургскомъ и Уральскомъ въ особенности, какъ въ мѣстностяхъ, болѣе мнѣ извѣстныхъ.

Повторю, въ нѣсколькихъ словахъ, уже сказанное мною.

Главною причиною упадка коневодства вообще въ Россіи я считаю распространившуюся въ громаднѣхъ размѣрахъ, въ послѣднее время, охоту до рысистыхъ лошадей. За нею не менѣе важное зло нанесли случныя конюшни. Что же касается собственно казачьихъ войскъ, къ этимъ двумъ причинамъ надо прибавить *войсковые конные заводы*.

Противъ рысистыхъ лошадей я не буду здѣсь риторствовать,

потому что это будетъ повтореніе того, что уже неоднократно высказывали истинные знатоки кровныхъ породъ; это возбудитъ противорѣчія, которыя мы такъ часто привыкли слышать отъ рысистыхъ охотниковъ и которыя не подтверждаются никакой научной теоріей и давно опровержены, въ нашемъ отечествѣ, на практикѣ.

О случныхъ конюшняхъ еще менѣе нужнымъ считаю говорить: подборниками ихъ развѣ могутъ быть только смотрители этихъ конюшенъ. Замѣчу, однакожъ, мимоходомъ, что, кромѣ зла, которое эти конюшни приносятъ для породы лошадей, онѣ вовлекаютъ многихъ, даже чиновниковъ, не принадлежащихъ къ вѣдомству коннозаводства, въ важныя злоупотребленія. Я знаю навѣрное, напримѣръ, что, по приводѣ жеребцовъ на случный пунктъ, члены земской полиціи и разныя заинтересованныя лица понуждаютъ окружающихъ поселянъ вести кобылицъ своихъ, предварительно распространивъ слухъ, что жеребцы заражены опасными болѣзнями. Натурально, что бѣдные мужики очень рады жертвовать полтинники и цѣлковики, чтобы сберечь своихъ лошадокъ отъ мнимой опасности. Однимъ словомъ, это выходитъ повтореніе *Горелорецкой исторіи* Щедрина. Прибавить еще къ этому надобно, что, для усиленія дохода, тревожатъ мужиковъ въ рабочее время и употребляютъ разныя другія ухищренія.

О злѣ, наносимомъ войсковыми конными заводами, я буду говорить пространнѣе, такъ какъ это прямо касается настоящихъ замѣтокъ.

1) Коннозаводство государственное должно вестись по одной разумной системѣ. Идеаль такого управленія былъ бы, еслибъ, послѣ предварительнаго разбора всѣхъ породъ лошадей въ Россіи, были устроены заводы, примѣненные къ потребностямъ каждаго отдѣльнаго края, подъ управленіемъ специалистовъ. Такимъ образомъ, въ хлѣбопахатныхъ губерніяхъ, учредились бы разсадники пахатныхъ и возовыхъ лошадей, въ степныхъ мѣстностяхъ—заводы для кавалеріи, наконецъ, гдѣ нибудь въ центральныхъ пунктахъ устроились бы классическіе питомники кровныхъ производителей,—все это, разумѣется, подъ надзоромъ и руководствомъ какого либо комитета изъ знатоковъ, составившихъ себѣ предварительный планъ, чтобы достигъ впредь задуманной и обсужденной цѣли. *Войсковые конные заводы не могутъ входить въ составъ такою систематическаго управленія.*

2) Чтобы государственные конные заводы приносили существенную пользу, для этого, кромѣ разумнаго управленія, слѣдуетъ дать имъ огромные размѣры, сопряженные съ большими издержками. *Войска же казачьи, по скудости средствъ своихъ, не могутъ удовлетворять и этому второму условію.*

3) Различныя мѣстности требуютъ различнаго способа веденія коннозаводскаго дѣла. *Во войскахъ казачьихъ, правила для конныхъ заводовъ, приблизительно, должны быть установлены одни и тѣ же.*

4) При назначеніи атамана, правительство не можетъ принять за правило назначать специалиста по коннозаводству, потому что оно имѣетъ въ виду важнѣйшія качества въ этомъ лицѣ.

5) На практикѣ всегда оправдывается теорія. Поэтому происходить слѣдующее:

За атаманомъ, охотникомъ до лошадей, слѣдуетъ атаманъ, совершенно равнодушный къ нимъ. Производители покупаются не по какой либо разумной системѣ, а по вкусу посылаемыхъ ремонтеровъ, часто недостаетъ средствъ, и поэтому заводы, въ которые даже не вкрадываются злоупотребленія, дѣлаются разсадникомъ уродливой *мышенины*, не только бесполезной, но и вредней для края, потому что мало по малу вливаютъ тлетворную кровь въ благородныя жилы степныхъ коней. Тамъ же, гдѣ вкрадывалась злонамѣренность, заводы совершенно упали, а лица, служащія при нихъ, изыскивали тѣ же источники доходовъ, про которые я упомянулъ, говоря о случныхъ конюшняхъ.

Породы казачьихъ лошадей слѣдуетъ, однакожь, поддерживать. Чѣмъ же замѣнить войсковыя конныя заводы?—Скачками. Онѣ неоспоримо полезны, но практика показала, что этого мало: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы видимъ на казачьихъ скачкахъ двухъ или трехъ тѣхъ же состязателей, которые берегутся какъ производители: скачки, однимъ словомъ, приносятъ болѣе нравственную пользу, чѣмъ матеріальную, единственно поддерживая молодечество, но не охоту къ коннозаводству.

Мнѣ кажется, что лучшее средство къ поддержанію казачьихъ лошадей было бы частію даровая раздача въ лучшіе казачьи табуны производителей, выбранныхъ специалистомъ, сообразно съ потребностями края и съ мѣстной породой; частію раздача такихъ производителей въ призы на скачкахъ, вмѣсто призовъ денежныхъ, частію же назначеніемъ аукціона какъ жеребцамъ, такъ

равно и маткамъ, но все-таки въ породѣ ихъ соображаясь съ мѣстной потребностію.

Издержки, потребныя на таковыя даровыя раздачи и на аукціоны, на которыхъ, вѣроятно, лошади будутъ продаваться за полцѣны, должны быть раздѣлены между государственной и войсковыми казнами, ибо принесутъ пользу общую. Во всякомъ случаѣ, войскамъ казачьимъ таковыя пожертвованія будутъ гораздо легче и выгоднѣе тѣхъ, которыя онѣ несутъ, для поддержанія негодныхъ заводовъ.

Перейдемъ теперь къ потребностямъ собственно для Оренбургскаго края.

Мѣстную породу лошадей можно раздѣлить на двѣ: на *киргизскую* и *башкирскую*. О казачьей *доморощенной* я не говорю, ибо она происходитъ отъ тѣхъ же, частію смѣшанная съ русской заводской.

Киргизскую кровь я считаю сильнѣе башкирской, потому что, несмотря на то, что, въ послѣднее время (въ особенности послѣ жестокой зимы, сколько мнѣ помнится, 1851 г.), Киргизы цѣлыми табунами покупали простыхъ крестьянскихъ матокъ, и хотя порода и понизилась, но все-таки сохранила свой первоначальный типъ, а именно: ноги и копыты, которымъ можетъ позавидовать англійскій скакунъ, правильный крестецъ и широкій задъ, сухую и красивую голову, впрочемъ, на короткой и низко поставленной шеѣ, и широкую и полную грудь.

Башкирская же порода, смѣшанная съ другой, скоро теряетъ свою особенность. Это можно замѣтить по башкирскому конному заводу, гдѣ матки, слученныя съ русскими жеребцами, во второмъ уже поколѣніи дали каретныхъ, или, лучше сказать, пристяжныхъ лошадокъ.

Прибавить надобно, что башкирская лошадь отличается отъ киргизской свиньимъ задомъ, а это, разумѣется, не окупается немного лучшимъ поставомъ шеи.

Изъ вышесказаннаго я вывожу, что правительство должно обратить особенное вниманіе на поддержку киргизской породы, предпочтительнѣе противъ башкирской. Къ тому еще надо прибавить, что казаки, какъ уральскіе, такъ и оренбургскіе, предпочитаютъ для службы лошадей киргизскихъ, и потому болѣе смѣшанные владѣльцы табуновъ сообразуются съ этою потребностію.

Башкирскихъ же матокъ покупаютъ по большей части только

тѣ заводчики, у которыхъ цѣль—сбывать приплодъ для упряжи, прибавляя ему цѣнности примѣсю русской заводской крови.

Переходя послѣдовательно изъ одного умозаключенія въ другое, прихожу къ убѣжденію, что, для поддержки киргизской крови, правительству, раздѣляя издержки между государственною казною и войсковыми, должно завести правильныя скачки, на первый разъ, въ Оренбургѣ и въ Уральскѣ. Эти пункты, для этой цѣли, по моему мнѣнію, самыя удобныя, потому что центральныя.

Скачки должны быть назначены для однихъ жеребцовъ и кобылицъ не моложе 4 лѣтъ. Теперь, по мѣстному обычаю, скачутъ одни только *меренд*. Дистанція должна быть назначена, сообразно съ силами мѣстной породы, отъ 8 до 10 верстъ, съ перескачкой, въ спорныхъ случаяхъ—въ 2 версты. Киргизы, равно какъ и казаки, должны быть допускаемы на скачку, но не иначе, какъ взрослые; теперь же, также по издавна заведенному обычаю, употребляются дѣти. Призы на скачкахъ, вмѣсто денежныхъ, должны раздаваться производителями.

Кромѣ призовъ на скачкахъ, въ Уральскомъ и Оренбургскомъ казачьихъ войскахъ должна производиться даровая раздача жеребцовъ содержателямъ лучшихъ табуновъ (*), какъ это дѣлается нынѣ во Внутренней Киргизской Ордѣ, съ подписками не употреблять ихъ ни въ упряжь, ни въ работу, а собственно для однихъ только случекъ. Въ Оренбургѣ и въ Уральскѣ слѣдуетъ учредить аукціоны, о которыхъ я уже упомянулъ.

Въ заключение, считаю полезнымъ упомянуть объ убѣжденіи, которое выработалось во мнѣ и теоріей и опытомъ, о породѣ и качествахъ тѣхъ производителей, которые могутъ принести несомнѣнную пользу Оренбургскому краю. Во всякомъ случаѣ, великорусскія полукровныя, а тѣмъ болѣе безкровныя рысистой породы будутъ вредны. Кромѣ того, что отъ нихъ приплодъ совершенно не годенъ для казачьей службы, онѣ зарождаютъ въ степныхъ табунахъ общее худосочіе и разныя болѣзни ногъ, каковы: *мокрецы*, *подельды* и т. п.

Персидская кровь, равно какъ и карабахская и аргамакская ослабляютъ киргизскую породу лошадей.

Отъ аргмаковъ, преимущественно туркменскихъ, лишь въ первомъ поколѣніи получается довольно красивая, но, вмѣстѣ съ

(*) Въ Оренбургское войско вдвое въ большемъ количествѣ, нежели въ Уральское, сообразно съ числительностію народонаселенія того и другаго.

тѣмъ, не слишкомъ сносная лошадь, называемая *карибайрмъ*; въ третьемъ же колѣнѣ, кромѣ плохихъ коней, я не встрѣчалъ.

Отъ хивинскихъ безгривыхъ аргамаковъ, которые считаются въ Средней Азiи самыми кровными, приплодъ бываетъ еще слабые и менѣе красивѣе, чѣмъ отъ туркменскихъ.

Арабскіе, или варварійскіе жеребцы были бы, безспорно, самыми лучшими; но гдѣ ихъ достать?...

Затѣмъ остаются англійскіе и малороссійскіе, — первые, разумѣется, предпочтительнѣе; но тутъ выборъ долженъ быть очень остороженъ. Жеребецъ слишкомъ цѣнный не будетъ, какъ должно, сбереженъ. Слишкомъ рослый не будетъ удобенъ для малорослыхъ киргизскихъ матокъ. Мнѣ кажется, что лучшимъ былъ бы такъ называемый *хэлъ* (Наск); а также жеребцы нѣкоторыхъ ирландскихъ породъ.

Малороссійскіе жеребцы и средные иль херсонскіе, при хорошемъ выборѣ, могутъ почти удовлетворить потребностямъ края. Чтобы дать понятіе о сортѣ, укажу на заводы Базилевскаго и Маника (кажется, уже, въ настоящее время, уничтоженный).

Необходимо, при раздачѣ жеребцовъ, опубликовать слѣдующія правила для акклиматизаціи и ихъ содержанія:

Въ первый годъ по приводѣ, не слѣдуетъ пускать ихъ въ табунъ; равно бесполезна и ручная случка. Но надобно, въ огороженномъ мѣстѣ, производить свободную случку съ каждой кобылицей порознь и не давать этого годъ болѣе шести. Переслучки дѣлать: первую — черезъ три дня, вторую — черезъ девять, и продолжать такъ, покуда кобылица сама не отобьется. Съ этимъ косякомъ (изъ шести уже принявшихъ матокъ) жеребецъ можетъ быть пущенъ въ степь совершенно отдѣльно отъ прочихъ косяковъ, но не болѣе, какъ на шесть недѣль. На слѣдующій годъ можно дать двѣнадцать кобылъ, и жеребецъ можетъ пасть съ служимымъ косякомъ все лѣто и осень, до зимы. Къ зимней тебеневкѣ, разумѣется, никакой жеребецъ, кромѣ степнаго, не можетъ привыкнуть; слѣдовательно, онъ долженъ быть содержимъ или на конюшнѣ; или въ базу, что не затруднительно ни для казака, ни для Киргиза.

Перейду теперь къ другой моей мысли, о которой я только слегка сдѣлалъ намекъ, сказавши, что, для поддержанія молодечества въ казакахъ, лучшимъ бы было официальные смотры замѣнить періодическими военными празднествами и играми.

III.

УЧЕБНЫЙ ЛАБИРИНТЪ ДЛЯ НАѢЗДНИКОВЪ.

На станичныхъ праздникахъ, чтобы они были настоящими праздниками для казаковъ, упражненія и игры, разумѣется, должны быть не какія нибудь нѣмецкія, а свои, народныя, чтобы и старикамъ было любо посмотретьъ да и малолѣткамъ было весело.

Однакожь, войсковое начальство можетъ извлекать служебную пользу изъ этихъ національныхъ игръ, нестѣснительными мѣрами и незамѣтно выводя изъ обычаевъ вредныя и не приносящія никакой пользы, а, между тѣмъ, поощряя тѣ, которыя развиваютъ воинственный духъ молодежи и физически укрѣпляютъ ее.

Веселье самое вредное, разумѣется, есть кабакъ, со всѣми его атрибутами. За нимъ слѣдуетъ немного невиннѣе—вечеринки. Ни то, ни другое, разумѣется, не требуетъ поддержки со стороны начальства; напротивъ, первое слѣдуетъ гнать.

Приду прямо къ играмъ полезнымъ, къ играмъ военнымъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, начну съ *горюшковъ*.

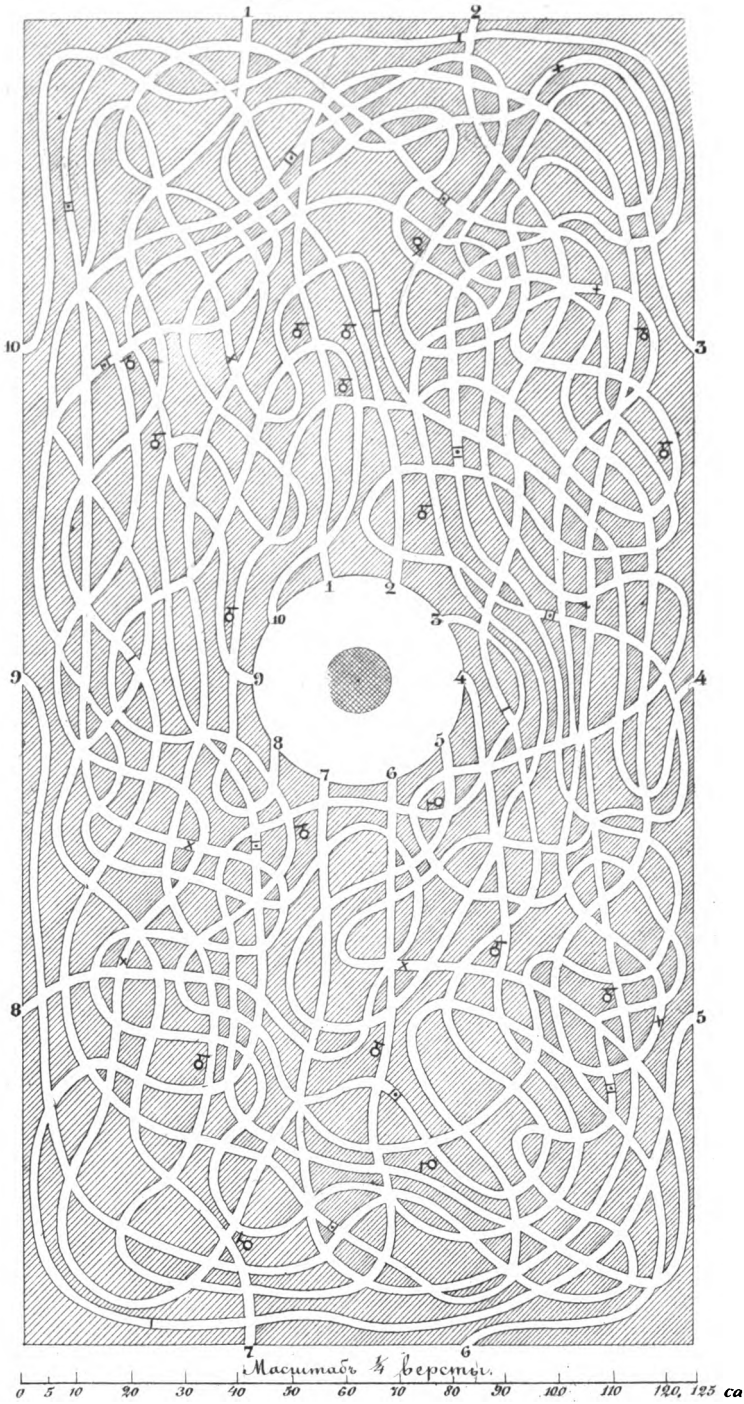
Молодежь раздѣляется на двѣ партіи. Одна защищаетъ нѣчто въ родѣ башни, построенной изъ глыбъ снѣга, другая нападаетъ. Въ первой участвуютъ болѣе взрослые, и, какъ слѣдуетъ гарнизону крѣпости, она состоитъ изъ одной пѣхоты; вооруженной палками, на которыхъ навязаны лапти и т. под. Вторая партія, гораздо значительнѣе первой, состоитъ изъ конницы. Въ переднихъ рядахъ ея отличаются *харюшки*, которыя, ради комизма, а также изъ чувства самосохраненія, на спину и на грудь себѣ навязываютъ горбы, одѣваются въ вывороченные вверхъ шерстью полушубки, и бережно, чѣмъ попало, укутываютъ голову. Харюшки, вооруженныя палками и рычагами, вступаютъ въ дѣйствительный бой съ гарнизономъ и стремятся разрушить снѣговую крѣпость. За харюшками слѣдуютъ цѣлыя полчища дѣтей всѣхъ возрастовъ на коняхъ и болѣею частію наряженныхъ въ разные костюмы. Они въ битвѣ участвуютъ лишь неистовымъ крикомъ. Если прибавить ко всему этому пальбу изъ пистолетовъ (разумѣется, холостыми зарядами), перестрѣлку остроуміемъ и насмѣшками, громкія симпатичныя одобренія стариковъ-зрителей (которыя перѣдко вмѣшиваются и въ игру, помогая которой нибудь изъ воюющихъ сторонъ), то, надѣюсь, никто не отвергнетъ существенной пользы этой старинной казачьей забавы. Забаву эту слѣдуетъ поддерживать на-

значеніемъ, напимѣръ, незначительныхъ призовъ и другими, подобными сей мѣрами, и, сверхъ того, не лишнимъ было бы придать ей нѣкоторую правильность, но съ крайнею, однакожъ, осторожностію, чтобы игра не вошла въ разрядъ обязательныхъ ученій... Можно, напимѣръ, *городкамъ* придать форму бастіоновъ или редутовъ, на которые бы лѣзли спѣшившіеся всадники; часть же гарнизона могла бы защищаться со стѣнъ, а другіе—дѣлать правильныя вылазки, обходить непріятеля и т. под. Опять повторяю, что если преобразованія въ этой игрѣ будутъ сдѣланы официальнымъ циркуляромъ войскового начальства, то все дѣло можно испортить. Если жъ онѣ сдѣлаются черезъ партикулярное участіе молодежи-офицеровъ и учениковъ войскового училища, съ поддержкой бывалыхъ и веселаго нрава казаковъ, то незамѣтно привьются, какъ всякая интересная и веселая новизна. Опытъ, впрочемъ, сдѣланъ былъ въ Уральскѣ, и весьма удачно.

Военныя игры взрослыхъ казаковъ состоятъ въ *джигитовкѣ*, то есть въ подниманьи съ земли папахи, нагайки и другихъ вещей, въ стрѣльбѣ въ листъ изъ ружей и пистолетовъ, въ скачкѣ стоя на сѣдлѣ и вверхъ ногами, въ соскакиваньи съ лошади и во вскакиваньи на лошадь на бѣгу. Все это несомнѣнно полезно какъ для развитія мускуловъ, такъ и для ловкости и развязности казака. Но нельзя не признаться, что нѣкоторыя изъ этихъ упражненій для военнаго дѣла совершенно бесполезны. Напимѣръ, стрѣльба въ листъ приучаетъ казака цѣлить внизъ, тогда какъ кавалериста очень трудно отучить отъ этой дурной привычки, и даже правильною школою нелегко заставить его вѣрною вскидкою ружья прямо прицѣлиться въ коннаго противника на грудную высоту. Подниманіе папахи, кромѣ развитія молодечества, другой, болѣе существенной, пользы также не приноситъ. Между тѣмъ, скачка черезъ рвы, черезъ барьеры или заборы—упражненіе самое полезное для военнаго дѣла—къ несчастію, не входитъ въ обычай казаковъ при джигитовкѣ. Итакъ, по моему, эти послѣднія упражненія главнѣйше должны быть поощряемы, равно какъ и стрѣльба въ цѣль.

При джигитовкѣ, какъ она теперь существуетъ въ казачьихъ обычаяхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что казакъ совершенно отдается на произволъ своей лошади, потому что, при такихъ упражненіяхъ, каковы: подыманіе папахи, стрѣльба въ листъ изъ ружей, всадникъ необходимо долженъ бросить по-

Учебный лабиринтъ. для паззлниковъ.

Изъясненіе знаковъ

— Вирьеръ. ± Сухоі ровъ. х. Живая изгородь. Шлестъ съ калицы.

воду, а при скачкѣ стоя на сѣдлѣ, онъ по большей части разнуздываетъ коня; однимъ словомъ, не существуетъ почти ни одного джигитовочнаго приема, гдѣ бы казакъ приучался къ искусственному управленію своею лошадью. Кромѣ того, при джигитовкахъ, одинъ скачетъ вслѣдъ за другимъ, по порядку строя, отчего какъ всадникъ, такъ и конь не приучаются къ самостоятельности, столь необходимой для иррегулярнаго воина.

Все вышесказанное подало мнѣ поводъ осуществить мысль объ *учебномъ лабиринтѣ* для всадниковъ, — мысль, которой я частію обязанъ полковнику Лермонтову, и потому, кстати, считаю долгомъ благодарить его за нее. Тутъ же, между прочимъ, скажу, что таковой лабиринтъ не можетъ и даже не долженъ вполне замѣнить народныя военныя игры казаковъ. Тѣ пускай продолжаютъ своимъ порядкомъ и приносятъ свою неоспоримую пользу. Лабиринты должны быть устроены только тамъ, гдѣ существуютъ учебныя казачьи части, и при большихъ центрахъ казачьяго населенія. Лабиринтъ долженъ замѣнять для казаковъ манежъ, ординарческое ученье и оффиціальную джигитовку, частію, впрочемъ, служить и военной игрой для охотниковъ-наѣздниковъ.

Для нагляднаго объясненія того, что я понимаю подъ учебнымъ лабиринтомъ, я счелъ нужнымъ приложить здѣсь чертежъ. Приступлю прямо къ объясненію онаго. Такимъ образомъ, опытный кавалеристымъ, безъ излишняго многословія съ моей стороны, ясно пойметъ пользу, которую можно ожидать отъ лабиринта.

Учебный лабиринтъ, изображенный на чертежѣ, представляетъ площадь въ *полверсты* длинника и въ *четвертьверсты* поперечника. Въ него въѣзжаютъ наѣздники въ десять воротъ, отъ которыхъ идутъ столько же дорогъ *въ полторы версты* длины. Эти дороги извиаются неправильными изгибами, такъ что онѣ перекрещиваются, расходятся, часто сходятся или идутъ параллельно, наконецъ десятью же воротами входятъ въ среднюю площадку.

На каждой изъ доротъ всадникъ встрѣчаетъ препятствіе, какъ-то: барьеръ, живую изгородь и ровъ, — кромѣ того, шесть съ кольцами, которыя наѣздникъ долженъ снять на скаку шашкою.

На возвышеніи, въ центрѣ средней площадки лабиринта, находится бесѣдка, откуда кругозоръ обнимаетъ весь лабиринтъ.

Эта бесѣдка сдѣлана для начальника, производящаго ученье наѣздникамъ, или для судей, если дѣло идетъ о состязаніи охотниковъ-наѣздниковъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. при ученьи, начальникъ имѣетъ при себѣ трубача, черезъ котораго онъ подаетъ сигналы аллюровъ и поворотовъ упражняющимся наѣздникамъ. Во второмъ же случаѣ, съ самаго вѣзда въ ворота, всадники пускаются вскачь, потому что дѣло, разумѣется, состоитъ въ томъ, кто изъ нихъ, по своему пути перескочивъ всѣ препятствія, первый прибудетъ для полученія приза на среднюю площадку.

Излишнимъ, мнѣ кажется, говорить тутъ, что такого рода ученье или военная забава разовьетъ до тонкости самостоятельность всадника, ибо тутъ, на быстромъ скаку, часто случится ему встрѣчаться и развѣзжаться со своими товарищами; вмѣстѣ съ тѣмъ, во все время, онъ долженъ соображать и то, какъ бы не сбиться на чужой путь, за что, если дѣло идетъ о состязаніи, всадникъ подвергается какой нибудь пени, — долженъ всегда имѣть въ виду встрѣтить какое нибудь неожиданное препятствіе, наконецъ стараться пріѣхать первымъ для полученія приза. При ученьяхъ же, ко всему этому надо прибавить постоянное напряженное вниманіе къ сигналамъ.

Въ заключеніе, повторю, что войсковое начальство отнюдь не должно впадать въ крайность, т. е., вводя учебный лабиринтъ или другое, какое бы то ни было, регулизированное упражненіе, не должно оставлять безъ вниманія и безъ поощренія и джигитовку, какъ она существуетъ по древнимъ казачьимъ обычаямъ, потому что она, въ свою очередь, приноситъ неотъемлемую пользу уже тѣмъ, что поддерживаетъ казачій духъ и молодечество.

СТ.
